

Запретный этаж

Мария Вель

18+

Мария Вель
Запретный этаж

«Автор»

2026

Вель М.

Запретный этаж / М. Вель — «Автор», 2026

У неё есть одна ночь и один старый кофр с камерой. У него — закрытый клуб на вершине небоскреба и абсолютная власть над чужими желаниями. Мира привыкла смотреть на мир через объектив, пряча свой страх за диафрагмой и выдержкой. Дамир видит людей насквозь раньше, чем они успевают осознать свои потребности. Когда ей выпадает шанс сделать рекламную серию для его заведения, он ставит единственное условие: чтобы снять правду этого места, она должна войти в «запретный этаж» без своего главного щита — профессиональной отстраненности. Пространство клуба живет по своим законам: зеркала здесь дробят реальность, звук шагов возвращается с задержкой, а свет меняет температуру от ледяного до обжигающего. Это место создано ломать границы между игрой и реальностью. Сбросив камеру, Мира обнаруживает, что самое страшное отражение смотрит на неё не из стекла, а изнутри. До рассвета осталось несколько часов. За это время им предстоит выяснить: кто кого заманил в ловушку

© Вель М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Порог	5
Глава 2. Игра с границами	7
Глава 3. Отказ от щита	9
Глава 4. Фантомные прикосновения	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Мария Вель

Запретный этаж

Глава

Глава 1. Порог

Ночной город давил на плечи липким августовским воздухом. Мира ненавидела этот район — слишком много полированного камня, слишком мало кислорода. Вывеска клуба «Этажи» пульсировала глухим фиолетовым светом, пробиваясь сквозь пелену мелкого дождя. Но её целью была не главная дверь, куда текла блестящая река гостей.

Её цель находилась в конце узкого служебного коридора, пропахшего озоном и дорогим табаком. Стальная панель без номера. Только крошечный биометрический сканер, похожий на черный стеклянный зрачок.

Мира приложила палец. Замок издал тихий, влажный вздох, и тяжелая плита отъехала в сторону, открывая абсолютную темноту. Из проема потянуло холодом, какой бывает только глубоко под землей или высоко над облаками.

— Ты опоздала на три минуты, — голос возник из темноты раньше, чем фигура. Низкий, лишенный эха. Он заполнял легкие, вытесняя остатки уличной суеты. — Фотографы всегда опаздывают. Им кажется, что время можно поймать в рамку.

Дамир шагнул в полосу дежурного света лестничной клетки. Сорок пятый размер обуви, костюм цвета мокрого асфальта, сидящий так идеально, словно был частью его кожи. Ему было тридцать пять, но выглядел он на все сорок прожитых жизней. В его взгляде не было интереса клиента к исполнителю. Там была скука патологоанатома.

— Я пунктуальна, когда мне платят вовремя, — Мира вскинула подбородок, прижимая кофр с аппаратурой к бедру. Кожаный ремень впился в плечо привычной тяжестью. Это был её щит, её экзоскелет. — Покажи локацию. Мне нужно выставить свет до рассвета, сдать исходники утром и исчезнуть из твоего безупречного мира.

Он усмехнулся уголком губ. Сделал шаг вперед, сокращая дистанцию до интимной. Мира почувствовала запах озона сильнее — им пахло от его одежды, от его волос. Так пахнет воздух перед ударом молнии.

— Исчезнуть не получится, — тихо сказал он. — Не отсюда. Мой «запретный этаж» — это не фотостудия, девочка. Это мясорубка для фальши. Рекламщики обычно присылают сюда своих теней, людей-функций. Тех, кто умеет ставить софтбоксы и пить плохой кофе.

Он протянул длинную кисть и коснулся пальцами края её кофра. Не грубо, но властно. Мира замерла.

— А ты пришла сама. У тебя глаза человека, который смотрит на мир исключительно через стекло, потому что боится дотронуться до него голыми руками. Тебе нужен этот контракт, чтобы доказать себе, что ты еще способна чувствовать фактуру.

Его большой палец погладил металлическую скобу замка на её кофре.

— Мои условия изменились. Никакой постановки. Никаких зонтов, рассеивателей и безопасных ракурсов. Тыходишь внутрь одна. Камера остается снаружи, либо висит на шее мертвым грузом, которым ты будешь отгораживаться от реальности. Если я увижу, что ты прячешься за диафрагмой, спущу с лестницы. Мне нужна серия живых нервов. Нужна твоя уязвимость. Либо целиком, либо никак.

Воздух между ними стал густым. Мира слышала, как гудит трансформатор в стене. Слышала собственное сердцебиение, отдающееся в ушах. Отдать камеру — значит снять бронези-лет посреди перестрелки. Значит выйти на ринг обнаженной против мастера клинка.

Она посмотрела в его глаза. Темные радужки сливались со зрачками, создавая эффект бездны. Он видел её насквозь, знал каждое слабое место, выкопанное бессонными ночами в проявочной.

Вызов ударил в кровь горячее спирта.

— Тогда я вхожу целиком, — хрипло ответила она, разжимая пальцы. Кофр упал на бетонный пол с тяжелым, окончательным стуком. Металл лязгнул о металл.

Дамир медленно кивнул. Его рука легла на круглую ручку двери «запретного этажа». Старинная латунь, покрытая патиной, казалась ледяной даже на расстоянии.

Он нажал. Механизм сработал с сухим, костяным щелчком. Клак.

Звук отрезал шум города, гул вентиляции и всю её предыдущую биографию.

Тяжелая дверь начала медленно, дюйм за дюймом, уходить в стену, открывая прямоугольник абсолютной, непроницаемой черноты, в которой тонул даже луч мощного фонаря.

Мира сделала шаг вперед, переступая порог. За спиной сухо клацнула сталь, становясь на замок. .

Глава 2. Игра с границами

Свет здесь вел себя неправильно.

Мира стояла на шахматном полу из черного и белого мрамора, но границы клеток постоянно плыли, перетекая друг в друга, как пролитые чернила. Потолок отсутствовал — вместо него нависало гигантское зеркало, установленное под невозможным углом. В нем отражался не пол под ногами, а фасад небоскреба напротив, разрезанный пополам золотой жилой неоновой рекламы. Казалось, если сделать шаг вправо, можно упасть прямо в чье-то окно на тридцатом этаже.

Стены состояли из десятков панелей, наклоненных навстречу друг другу. Они множили пространство до дурной бесконечности. Куда бы Мира ни повернулась, она видела собственные затылки, уходящие в перспективу фракталов.

Она машинально подняла камеру, прижалась щекой к холодному резиновому наглазнику. Привычный жест успокаивал. Мир сужался до рамки видеоискателя, превращаясь в понятную геометрию. Автофокус жадно защелкал, пытаясь зацепиться хоть за что-то материальное.

Щелк. Черный мрамор превратился в застывшую нефть.

Щелк. Золотая жила рекламы расплескалась жидким солнцем.

— Выключи это, — голос Дамира прозвучал сразу отовсюду. Благодаря акустике зала казалось, что шепчут прямо в ухо, хотя сам он стоял в десяти метрах, опершись плечом о косяк.

В руках он держал бокал с темно-рубиновой жидкостью, но не пил. Просто перекачивал вино по стенкам, наблюдая, как преломляется свет.

— Что именно? — не отрываясь от окуляра, спросила Мира. Её пальцы в перчатках побелели на рукояти. Объектив давал иллюзию власти. Пока она нажимает на кнопку, она контролирует хаос.

— Свой страх, — ровно ответил он. — Ты снимаешь поверхности. Красиво, технично, мертво. Как каталог элитной недвижимости. Поставь штатив и иди домой, получишь чек.

Мира опустила камеру. Посмотрела на него напрямую. Без стекла. Расстояние мгновенно сократилось, став угрожающим. Она сделала несколько шагов вглубь зала, цокая каблуками по мрамору. Звук шагов здесь имел странное свойство: он не затихал, а падал вниз, в шахту, и возвращался обратно через две секунды мягким, ватным эхом. Пространство играло с ней во временные петли.

Она выбрала точку. Лучший ракурс — там, где два зеркала сходились под острым углом, создавая идеальный коридор отражений. Мира вскинула камеру, поймала профиль Дамира.

— Не двигайся.

Она нажала спуск. Сухой механический щелчок утонул в мягкой обивке стен.

Но в видеоискателе случилось нечто невозможное. Дамир в отражении чуть склонил голову набок, плавно, хищно, за долю секунды до того, как его реальная фигура совершила это движение. Сначала изменилось стекло, и только потом плоть. Причинно-следственная связь дала сбой.

Мира нахмурилась. Переключила режим на серийную съемку.

Тр-р-р-р-ак!

Камера запечатывала мгновения одно за другим. Мира быстро просмотрела серию на заднем экране.

На первом кадре — Дамир неподвижен.

На втором — его отражение уже начало поворачиваться, смотреть прямо в линзу, хотя настоящий Дамир всё ещё смотрел в свой бокал.

На третьем — настоящий Дамир завершил поворот, оказываясь в той же позе, в которой его двойник застыл кадром ранее.

Холод пробежал по позвоночнику. Это не брак оптики. Оптика лишь фиксировала то, что мозг отказывался принимать. Пространство жило быстрее, чем люди в нем.

— Здесь есть скрытые механизмы? Полупрозрачные экраны? — резко спросила она, не поднимая головы от дисплея. Голос предательски дрогнул. Профессиональная гордость трещала по швам. — Лазеры? Спецэффекты?

Дамир сделал глоток. Медленно, смакуя. Затем оттолкнулся от стены и двинулся к ней. Он не шел — он скользил, и шахматный пол под его ногами менял цвет с черного на кроваво-красный с каждым шагом.

— Ты задаешь неправильные вопросы, — произнес он, остановившись в метре от неё. Теперь он возвышался, загораясь собой искаженный свет. — Спрашивай не «как», а «зачем».

Он поднял руку. Не к ней — к пространству рядом с её левым плечом. Провел пальцем по воздуху, будто касаясь невидимого стекла.

И в тот же миг во всех зеркалах слева от Миры пошла рябь, как по воде. Отражения поплыли, смазались, а затем сложились в новую картину: теперь позади Дамира стояла вторая Мира, стоящая спиной к спине с первой.

Меня ведут. Это гипноз, газ, тщательно спланированный розыгрыш богатого психопата, чтобы украсть мои права на снимки.

Мира сорвала камеру с шеи, готовясь бежать к выходу, которого, возможно, больше не существовало.

— Стой, — мягко приказал Дамир.

И она остановилась. Не из страха. Из любопытства, которое всегда было сильнее инстинкта самосохранения. Она перевела взгляд с реального мужчины на ту вторую Миру в зеркале. Та, зазеркальная, не смотрела в объектив. Она смотрела прямо на своего Дамира, и в её глазах не было профессиональной дистанции. Там была жажда.

Мира поняла это за секунду до того, как осознание ударило в виски. Никто её не ведет. Этот лабиринт реагирует только на искренний импульс. Зеркала показали ей не галлюцинацию, а её собственный подавленный выбор. Ей нравилось терять почву под ногами. Ей нравилось, что он управляет гравитацией этой комнаты одним взглядом.

Она крепче сжала камеру, но теперь хватка стала другой. Не защитной — собственнической.

— Свет меняется каждые сорок секунд, — спокойно сообщил Дамир, делая еще один шаг. Тепло его тела коснулось её руки. — Следующий цикл будет янтарным. Постарайся успеть снять свою душу, пока она не сгорела.

Глава 3. Отказ от щита

Янтарный свет обрушился сверху, густой и тягучий, как мед. Он стер все острые углы, превратив агрессивную геометрию зеркал в теплый, пульсирующий кокон. Температура воздуха поднялась на десять градусов. Мира почувствовала, как тонкий хлопок блузки прилипает к лопаткам.

Она продолжала стрелять, но логика ушла. Теперь она ловила блики. То, как капля пота стекает по его виску, вспыхивая золотом. То, как расширяются его зрачки, поглощая почти весь карий цвет радужки. То, как бьется жилка на его шее — редкая демонстрация живого ритма в человеке, сделанном из обсидиана.

Объектив становился преградой. Экранчик камеры показывал идеальную картинку, выверенную по золотому сечению, но Мира чувствовала себя зрителем собственного падения. Она пропускала вкус момента.

Дамир молчал. Он просто стоял в центре янтарного пятна и позволял ей изучать его. Его спокойствие было более мощным афродизиак, чем любое действие. Он ждал, когда кончится завод пружины, которая заставляет её прятаться.

Мира сделала последний кадр. Рука с камерой опустилась. Она смотрела на дисплей: там, в цифровом зерне, застыл совершенный мужчина в идеальном интерьере. Самая красивая ложь, которую она когда-либо продавала.

— Этого недостаточно, — вдруг сказала она вслух. Голос звучал чужим, хриплым. — Картинка плоская. В ней нет... укуса.

Дамир приподнял бровь. Вопрос читался в наклоне его головы.

— Ты хочешь укусить меня, Мира? — его губы тронула едва заметная улыбка. — Или позволить этому месту укусить тебя?

Она проигнорировала вопрос. Вместо ответа её левая рука дернулась к камере. Холодный кожаный ремешок пересекал грудь удавкой. Десять лет он был продолжением её скелета. Ремешок впитывал пот сотен концертов, пыль заброшенных зданий, грязь прокуренных студий. Он был гарантией того, что никто не подойдет ближе, чем позволяет фокусное расстояние.

Пальцы нащупали карабин крепления.

Раздался сухой металлический щелчок. Клик.

Ремешок соскочил с металлической проушины. Мира взяла его за середину, ощущая шершавость старой кожи. Взгляд Дамира стал тяжелым, вязким. Он перестал дышать, наблюдая за ней.

Она подошла к низкой консоли из черного дерева, на которой стояли графин с водой и два стакана. Поверхность стола была абсолютно матовой, поглощающей свет. Идеальное место для могилы.

Мира положила ремешок на стол. Аккуратно, разглаживая его двумя пальцами, словно укладывая змею спать. Рядом с графином, в котором преломлялась её собственная искаженная янтарем шея.

Она не бросила его. Она его оставила. Положила щит добровольно.

Затем развернулась к Дамиру. Открытое горло, открытые ключицы, дрожащие ресницы. Между ними больше не было ничего искусственного. Ни стекла, ни выдержки, ни безопасной дистанции. Только воздух, ставший плотным и заряженным статикой.

Сейчас он сделает шаг. Сейчас будут грубые руки, разорванная одежда, банальная физиология порока. Всё рухнет в пошлость.

Но Дамир не сдвинулся с места.

Он медленно поставил недопитый бокал на консоль, подальше от лежащего ремешка. Звук соприкосновения хрустала с деревом прозвучал пушечным выстрелом в наступившей тишине.

Он выпрямился. Его рост, прежде разделенный на них расстоянием, теперь нависал монолитной стеной. Он смотрел не на её тело. Он смотрел в центр её грудной клетки, туда, где под ребрами заходило в панике сердце.

Его взгляд был физически осязаемым. Горячим. Изучающим. В нем не было похоти победителя, заполучившего трофей. В нем было узнавание. Словно археолог наконец очистил от вековой пыли бесценный артефакт и увидел клеймо мастера.

Мира стояла неподвижно, позволяя этому взгляду препарировать её. По коже бежали мурашки, соски болезненно напряглись под тонкой тканью, колени стали ватными. Но она не пыталась закрыться. Впервые за долгие годы ей некому было позировать. Некому показывать спину.

Она понимала: сейчас решается всё. Если он прикоснется к ней сейчас, это будет подачкой. Милостыней для испуганной девочки, сбросившей броню.

Время тянулось, сгущаясь в янтаре. Секунда. Вторая. Третья.

Дамир медленно моргнул. А когда открыл глаза, в них плескалось темное, древнее понимание. Уголки его рта едва заметно опустились, выражая не разочарование, а колоссальное уважение.

Он понял. Понял, что она сняла камеру не ради него. Ради себя. Чтобы увидеть, останется ли она существовать, если убрать фильтр.

Взгляд Дамира смягчился на микрон, превращаясь из оружия в убежище. Он слегка склонил голову, поклон равного перед равной, и тихо, бархатно выдохнул:

— Добро пожаловать в темноту, Мира.

Это не было приглашением в постель. Это было разрешение жить. И эта секунда оглушительной, ничем не разбавленной близости оказалась острее и глубже любого возможного поцелуя. Воздух между ними вибрировал от невысказанной, запретной страсти, готовой вот-вот нарушить границу последней оставшейся дистанции.

Глава 4. Фантомные прикосновения

Темнота не упала мгновенно. Она просачивалась сквозь янтарь, как чернила в стакан воды. Сначала погас верхний свет, затем растворились контуры зеркал, и наконец исчез сам Дамир. Мира осталась стоять посреди консоли одна, но чувство одиночества было ложным. Пространство «запретного этажа» никогда не пустовало — оно просто меняло плотность.

Звук шагов здесь больше не имел эха. Он впитывался ворсистым покрытием пола, которое она только сейчас заметила под ногами. Мягкое, поглощающее вибрацию. Мира сделала шаг вслепую.

Вдохнула. Воздух пах озоном, старым деревом и чем-то еще — терпким, животным запахом его парфюма, который теперь казался частью самой атмосферы. Кожа на плечах покрылась мурашками от перепада температур. Холод поднимался от лодыжек вверх, заставляя волосы на руках встать дыбом.

— Ищи руками, а не глазами, — голос Дамира возник прямо за её левым ухом.

Мира вздрогнула, резко разворачиваясь на пятках. Никого. Только глухая бархатная тьма. Но тепло чужого дыхания всё ещё щекотало мочку уха. Иллюзия была настолько совершенной, что разум отказывался верить тактильности. Если бы он дышал чуть медленнее, она бы решила, что сходит с ума.

— Здесь нет стен, — продолжил он, и звук переместился к её правому колену. Низкий, вибрирующий бас, резонирующий в бедренных костях. — Есть только направления желаний. Куда ты хочешь упасть?

Она выставила руки перед собой, пытаясь найти опору. Пальцы наткнулись на стекло. Прохладное, идеально гладкое. Зеркало. Мира прижалась к нему ладонями, ища стабильности. Стекло дрогнуло под нажимом, издав низкий, певучий гул. Оно было живым.

— Я хочу увидеть тебя, — выдохнула она в темноту, чувствуя, как пересыхает горло. Паника первых минут сменилась звенящим, болезненным возбуждением. Каждая нервная клетка была обнажена.

Слева, там, где секунду назад была пустота, скользнул луч света. Тонкий, как лезвие бритвы, лазерный резак прошел по диагонали через зал, разрезая тьму пополам. В этом луче танцевали пылинки. А потом из тени выступил Дамир.

Он шел медленно, раздвигая световой клинок плечами. Его костюм исчез — на нем остались только черные брюки, низко сидящие на бедрах. Грудь была обнажена, и в полумраке кожа казалась вылитой из старой бронзы. Мира увидела тонкий белый шрам под левой ключицей — несовершенство, которого не могло быть в его идеальном фасаде. Настоящий след.

Это ловушка. Сейчас включится прожектор, вбегут люди с камерами, это скрытое шоу для элитной публики, я стану вирусным мемом.

Но единственная дверь, которую она помнила, давно перестала существовать физически. Зал был герметичен.

Дамир остановился в полшаге от неё. Так близко, что она могла бы коснуться его солнечного сплетения кончиком носа. Он поднял руку и приложил свою ладонь к зеркалу рядом с её правой рукой. Их пальцы почти соприкасались, разделенные лишь миллиметрами стекла.

— Ты чувствуешь холод? — спросил он.

— Нет, — соврала Мира. От места, где их ладони находились по разные стороны зеркала, исходил обжигающий жар. Ей казалось, что если она наклонит голову, то сможет слизать соль с его кожи прямо через стекло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.